

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 820/89.0+882.0

Л.П. Никифорова

ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА
"ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН" (К вопросу об образе Онегина как "лишнего" человека)

Проблема образа Евгения Онегина как "лишнего" человека рассматривается с позиций художественного времени произведения. Делаются выводы о том, что суть отчужденности героя от реальной действительности не столько социального, сколько философского характера.

В.Г. Белинский, обратив внимание на отчужденность Онегина от среды, к которой тот принадлежит, открыл науке о литературе проблему типа "лишнего" человека. Вслед за ним характер "лишности" героев русской литературы от Онегина до Кирсановых рассматривается исследователями, как правило, в связи с местом и ролью этих героев в социально-политическом движении эпохи, степенью их активности и своевременности. Не стремясь опровергнуть сложившиеся концепции "лишних" людей, попробуем, однако подойти к вопросу о месте Онегина в этой галерее с несколько иной точки зрения не извне (социальная среда и герой в ней), а как бы изнутри, из структуры художественного текста, основываясь на характере художественного времени, в котором живет герой романа.

Художественное время "Евгения Онегина" необычайно многогранно. Пушкин внимателен и к мгновению и к вечности. В романе "время расчислено по календарю", но вместе с тем мы постоянно сталкиваемся с "наложением" фабульного времени и времени реально-биографического, пушкинского (например, упоминания о создании тех или иных строф, глав романа) [1]. Перед читателем разворачиваются все времена года, необыкновенно интересно "работают" ночь и день, каждый герой, группа героев, даже предметы обладают своим жизненным ритмом.

Судьба человека в "Евгении Онегине" подчинена "общему закону" движущейся и обновляющейся жизни. Понятие утра, вечера жизни – одно из сквозных не только в романе, но и в лирике Пушкина. Мудрость многих пушкинских героев (Финн, Старик Цыган, Татьяна) обусловлена уважением ко времени, послушанием его закону.

В "Евгении Онегине" проблема существования героев во времени осложняется и тем, что качество самого времени в романе неодинаково. То оно течет естественно, плавно (деревенское время), то как бы рвется, начинает подчиняться не высшей естественной необходимости природы, а различным принятым в этом мире условностям; то ощущается как сугубо романное, то как бы выходит за рамки произведения и смешивается с реальным.

Евгений Онегин как герой романа в полной мере отражает в себе сложность его времени. Анализ времени Онегина следует начать с эпиграфа к первой главе: "И жить торопится, и чувствовать спешит". Ритм жизни героя обозначен уже здесь. Его основное качество определено глаголами торопится и спешит. Действительно, жизнь Онегина – бесконечная спешка: скачка, гонка. Он уже при первой встрече с читателем думал, "летя в пыли на почтовых". Несколько позже он "к Talon помчался", "полетел к

театру", на бал "стремглав в ямской карете ... поскакал", наконец, "подъехал к сениям, стрелой взлетел по мраморным ступеням" и т.п. Однако спешка пушкинского Онегина – не совсем то же, что спешка героя Вяземского. В "Первом снеге", из которого взят эпиграф, за спешкой героя жить и чувствовать – только молодость, оптимизм, ожидание от жизни открытий и счастья. В первой главе "Евгения Онегина" этой безоглядной радости (во всяком случае, в мире главного героя) нет. Онегин "жить торопится и чувствовать спешит" иначе не только потому, что он другой герой, но и потому, что он герой из другого времени.

Время Онегина в первой главе – прежде всего – день героя. Этот день, описанный Пушкиным весьма последовательно и подробно, необычайно важен в структуре романа. Его значимость подчеркивается автором неоднократно. Например, дню Онегина в первой главе противопоставлен день автора, зеркально отражающий день героя, в "Отрывках из путешествия Онегина". Тем самым роман начинается и заканчивается образами дня двух главных героев. В тексте первой главы день Онегина Пушкин вычленяет графически. Он обрамляет его "графическим эквивалентом текста" [2], который в данном случае не только выполняет функции включения в романную действительность "Онегина" жизненного опыта читателя, но становится своего рода композиционной вехой внутри главы.

День Онегина начинается с записочек:

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Все равно:
Везде поспеть не мудрено. (I, XV)

Обыкновенность утренней ситуации героя не так уж неважна, как может показаться на первый взгляд. Онегин еще "в постеле" получает целую программу дня, совершенно с ним не согласованную. Элемент неожиданности именно этой программы подчеркнут нагнетанием онегинских и авторских вопросов. Подчиненность Онегина распорядку, составленному кем-то, усугубляется нежеланием героя сделать хоть какой-то выбор. Ему "все равно". И далее – его жизненная позиция в первой главе (и не только в первой): "везде поспеть не мудрено". Совершенно великолепно это "не мудрено". Здесь и бесшабашное легкомыслие Онегина, и авторская мудрая ирония по поводу этой несерьезности героя, не подозревающего о серьезности проблемы "везде поспеть".

Если время в романе по замечанию Пушкина "расчислено по календарю", то время Онегина расчислено по брегету. Брегет, который Онегину звонит обед, доносит, что новый начался балет, обладает одной важной особенностью: он – "недремлющий". И пушкинский герой ему безропотно подчиняется. Если в отношении Онегина к записочкам сквозит оттенок легкомысленности, беспечности, то звон брегета – это нечто строгое, серьезное, побуждающее героя к погоне за временем. После первого звонка брегета Онегин "помчался" к Таюп, а после второго "полетел" к театру. Здесь представляется важной не только абсолютная зависимость героя от "звона брегета", но и качество времени, этим брегетом определяемое. Брегет обозначает время, механически упорядоченное, лишенное естественной плавности и последовательности.

В деревенских строфах романа Пушкин отмечает иную зависимость между временем и образом жизни героев:

Люблю я час
Определять обедом, чаем
И ужином. Мы время знаем
В деревне без больших сует:
Желудок – верный наш брегет... (V, XXXVI)

Некоторая доля авторской иронии по отношению к образу деревенской жизни не снимает общего ощущения естественности бытия, подчиненности деревенских жителей времени, упорядоченному не механическими условностями, а естественным ритмом жизни природы.

Существенной особенностью дня Онегина в первой главе является также и то, что это в высшей степени неестественный день, начинающийся "за полдень" и кончающийся, когда "Петербург неугомонный уж барабаном пробужден". Эта перевернутость времени обусловлена не столько тем, что городские ритмы жизни не похожи на деревенские (в деревне Евгений ведет совсем иной образ жизни), сколько тем, что сам характер жизни высшего света вывернут наизнанку. Хлебник, купец, охтенка, разносчик живут в естественном временном ритме. Их жизненная сфера деятельности серьезна, необходима. Бурная же деятельность Онегина и света – лишь "убивание" времени.

Возможно поэтому и петербургская суровая зима окрашена в разные оттенки для Евгения и представителей трудового Петербурга. Зима в деревне роскошна, свежа, даже, как это ни парадоксально, тепла. В городе она – холод, тьма, и лишь в XXXV строфе (об охтенке) ее суровость несколько смягчается. Суровость природы к горожанам, возможно, тем и объясняется, что она для них как бы не существует. В светской суете нет места для единения с природой.

Беспечность и суетность в отношении Онегина ко времени осложняется в романе тем, что герой постоянно опаздывает. С легкостью брошенная мысль о том, что "везде поспеть не мудрено", опровергается всеми ситуациями жизни Онегина. Например, в самом начале романа "летя в пыли на почтовых", Евгений опаздывает к умирающему дяде и находит его "уж на столе, как дань, готовую земле". Опоздания героя часто сочетаются с незавершенностью действия, ситуации. Так, примчавшись к Талон в середине обеда (когда "уж пробка в потолок"), он, не закончив есть, "полетел к театру", куда тоже опаздывает, вновь, не дождаввшись конца представления, едет домой одеться к балу. На бал приезжает к мазурке – кульминации бала, но опять не к ее началу, а к самому разгару, не успев, таким образом, принять в ней участие [3].

Опоздания – важная особенность биографии Онегина. Он опоздал влюбиться в Татьяну, не увидев в ней, сельской девочке, той светской дамы, которой оказался покорен в восьмой главе.

Неумение правильно оценить ситуацию, событие связано не столько с качествами мышления героя романа сколько с "завершенностью" его в жизни. Онегин и в деревенских объяснениях с Татьяной, и в преддзельной истории с Ленским действует бездумно, автоматически, как, кстати, и во всех предшествующих ситуациях.

Схематизм его жизненной позиции впервые нарушается во время получения вызова Ленского. Первая реакция Онегина – машинальный, общепринятый в данном случае ответ:

Оборотясь, без лишних слов

Сказал, что он *всегда готов*

Выделенный Пушкиным курсивом оборот речи – фразеологизм. Если же его понять буквально, то возникает ощущение трагической нелепости. За стандартным ответом Онегина на картель Ленского следует далеко не стандартное развитие всей дуэльной ситуации [4]. Следующая строфа содержит первую в романе оценку героем своего поведения. "Осудив себя во многом", Онегин замечает, что

"... теперь

Уж поздно; время улетело...

К тому ж – он мыслит – в это дело

Вмешался старый дуэлист;

Он зол, он сплетник, он речист...

Конечно, быть должно презренье

Ценой его забавных слов,

Но шепот, хохотня глупцов..." (VI, XI)

Последующий суд над собой и анализ возможного развития событий на первый взгляд не влияет на дальнейшую судьбу героя, внешне остающегося под властью "общественного мнения", на котором "вертится мир". Опоздание на дуэль тоже как будто не выпадает из ряда предшествующих опозданий Онегина. Но это лишь на первый взгляд.

Сцена дуэли Онегина и Ленского как неоднократно отмечали многие исследователи романа, является его кульминацией, сюжетным пиком. Отмечалось также, что сама дуэль в романе Пушкина весьма необычна. Автор, знаток дуэльного кодекса, участник множества дуэлей, построил дуэль своих любимых героев так, что она вызывает и у читателей, и у критиков множество нареканий самого различного характера.

Нам важно обратить внимание на характер временных процессов в сцене дуэли романа.

Ленский и Онегин по-разному готовятся к дуэли и по-разному проводят ночь накануне. Описанию подготовки Ленского к дуэли Пушкин отводит XII-XXIII строфы. Подготовка Онегина занимает две строфы – XXIV и XXV.

Преддуэльное поведение Ленского описано подробно; именно здесь даются сведения о том, где и когда должна состояться дуэль. Ленский готовится к ней тщательно. Он совершает в принципе все необходимые для участника дуэли действия: последнее свидание, торжественно-романтический внутренний монолог ("Буду ей спаситель..."), осмотр пистолетов, чтение Шиллера, письмо (правда, вместо завещания Ленский пишет стихи, полные "любовной чепухи").

О подготовке Онегина не известно ничего. Причины его поведения, цели вытекают не столько из событий, сколько из окружающей реальности, ее характера. Следует отметить, что реалии XXIV, XXV строф соотносятся с действиями героя по-новому, не так, как, например, в первой главе. Для удобства анализа приведем здесь эти две строфы.

XXIV

Но ошибался он: Евгений

Спал в это время мертвым сном.

Уже редуют ночи тени

И встречен Веспер петухом;
Онегин спит себе глубоко.
Уж солнце катится высоко,
И перелетная метель
Блестит и вьется; но постель
Еще Евгений не покинул,
Еще над ним летает сон.
Вот наконец проснулся он
И полы завеса раздвинул;
Глядит – и видит, что пора
Давно уж ехать со двора.

XXV

Он поскорей звонит. Вбегаёт
К нему слуга француз Гильо,
Халат и туфли предлагает
И подает ему белье.
Спешит Онегин одеваться,
Слуге велит приготовляться
С ним вместе ехать и с собой
Взять также ящик боевой.
Готовы санки беговые.
Он сел, на мельницу летит.
Примчались. Он слуге велит
*Ленажа*³⁹ стволы роковые
Нести за ним, а лошадям
Отъехать в поле к двум дубкам.

Онегин проспал на дуэль – ситуация для романной традиции XIX века исключительная. Если вспомнить, что встретиться с Ленским они должны были "до рассвета", где-то между шестью и семью часами ("Пора вставать: седьмой уж час, Онегин верно ждет уж нас"), то опоздание одного из противников более чем на 15 минут должно было повлечь за собой составление протокола о трусости опоздавшего и отмену дуэли или перенесение ее сроков, возобновление переговоров между противниками.

Проспав как минимум на час-полтора, Евгений не обнаруживает паники по этому поводу. Спешка начинается не сразу: в XXIV строфе ее нет, а в XXV герой начинает спешить со второго четверостишия. Интересно отметить, что если XXIV строфа распадается на составляющие ее части (три четверостишия и двустишие), то в XXV эти составляющие онегинской строфы синтаксически и логически отненены по крайней мере в первой половине строфы.

Развитие ситуации "проспал!" не в одной, а в двух соседних строфах снимает напряжение, не позволяет событиям развиваться слишком быстро.

Важной особенностью преддуэльного поведения героя является также большое количество различных подробностей как в описании наступающего утра, так и в изображении сборов Онегина на дуэль. В первой главе, например, Пушкин очень скуп на детали в характеристике своего героя. В XXIV строфе картина наступающего утра

хотя и представлена читателю во время сна Онегина, но сюжетно непосредственно с этим сном связана и поэтому отнести ее к так называемым авторским отступлениям (как это было в первой главе) мы не можем. В XXV строфе детализируются действия Онегина. Особенностью детализации является то, что детали по мере движения действия в строфе постепенно убывают. Так, в первом четверостишии их больше всего: имя и национальность слуги, халат, туфли, белье. Эти детали бросаются в глаза, так как в ситуации "дуэль", и "проспал" выглядят не совсем уместно тем, что вносят ощущение привычного жизненного ритма в экстремальную ситуацию.

Во втором четверостишии детали более тесно связаны с темой дуэли, их меньше, они мало заметны (например, ящик боевой). Третья строфа обрамлена (1,4 стих) санками беговыми и стволами роковыми. В заключительном двустишии рифмующиеся слова лошадям – дубкам подчеркивают резкое изменение контекста, тематический и стилевой слом. Можно считать, что тематический слом происходит раньше, в третьем четверостишии.

Особенностью первых двух четверостиший является то, что за исключением первого стиха строфы в них нет внутрстиховых пауз. Каждый стих представляет собой не только целостную стиховую, но и лексическую единицу, здесь нет внутрстиховой игры ритмико-смыслового характера, свойственной стихам типа:

Забудет мир меня; но ты (XXII строфа, 6 глава)

Поэтому слова "поскорей" в первом стихе строфы и "спешит" – начало второго четверостишия – не ускоряют движения событий, не создают ощущения спешки.

Первые два четверостишия строфы имеют стансовую структуру. В остальной части строфы принцип стансов утрачивается. Если первые два четверостишия строфы оставляют ощущение энергичности героя, четкой последовательности действий и его контроля за событиями, то во второй части строфы ситуация меняется. Энергия, решительность стихов

Готовы санки беговые.

Он сел, на мельницу летит.

далее резко обрываются:

Примчались. Он слуге велит

*Лепажка*³⁹ стволы роковые

Точка в середине стиха дает эффект резкой остановки, а примечание к имени оружейника ("Славный ружейный мастер") не только еще более замедляет действие, но и выделяет в самостоятельную логическую единицу словосочетание "стволы роковые", подчеркивает тему рока, сопровождающую всю сцену дуэли.

Для последних двух стихов строфы свойственна не только потеря напряжения, замедленность ритма, но и потеря смыслового единства, легкое ощущение абсурда, возникающее оттого, что Онегин "велит" одновременно слуге и лошадям. Эта неярко выраженная стилистическая ошибка – свидетельство шока, полученного героем при появлении на мельнице.

Дополнить картину преддуэльных действий Онегина можно, обратившись к характеристике его спешки. В первой главе его попытки "везде поспеть" заканчивались неудачей. Он "летел", "мчался", "стремглав скакал", но всегда опаздывал. На дуэль с Ленским Онегин сначала проспал (примерно на час-полтора), а потом стал спешить. Автор, описывая его поездку, использует те же слова, что и в описаниях поездок своего героя в первой главе ("на мельницу летит", "примчались"). По логике первой главы, как

и по правилам дуэльного кодекса, можно было бы ожидать, что Онегина на мельнице никто не ждет, он опоздал. Но теперь Евгений успел, хотя должен был ожидать обратного, а к месту дуэли выехал, как бы соблюдая формальность. Обнаружив своих противников на месте дуэли, герой должен был в этом случае испытать если не шок, то достаточно сильное удивление.

Факт преднамеренного опоздания Онегина на дуэль может быть воспринят только как попытка героя исправить допущенную ошибку, повлекшую за собой вызов Ленского, а также как стремление опровергнуть собственный тезис: "Уж поздно; время улетело!".

Дальнейшее развитие дуэльных событий – попытка Онегина обрести контроль над ситуацией путем намеренного нарушения дуэльного кодекса (представление monsieur Guillot как секунданта, что должно было оскорбить Зарецкого; прямое обращение к Ленскому). Но несмотря ни на что дуэль состоялась.

В пушкиноведении неоднократно обращалось внимание на то, что дуэль Онегина и Ленского если не прямое убийство, то что-то на него весьма похожее. Также отмечалась неблагоприятная в ней роль Зарецкого, "в дуэлях классика и педанта", не заметившего или сознательно допустившего нарушения дуэльных правил, в конечном итоге – одного из виновников гибели Ленского. Сложность ситуации углубляется присутствием в ней темы рока.

Онегин выстрелил... Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет.

Тема рокового боя часов, безвозвратно улетающего времени, открывающая и завершающая сцену дуэли, освещает все попытки Онегина избежать дуэли, остановить движение событий новым светом. Герой Пушкина оказывается бессильным против обстоятельств, развивающихся по воле, стоящей над желаниями отдельных героев – его, Ленского, Зарецкого.

Смятение Онегина после смерти Ленского – это не только раскаянье, чувство вины. Это также и ощущение своего бессилия, тщетности попыток реально повлиять на ход событий действительности.

Онегин шестой главы – это герой, который как будто очнулся от сна, но очнулся на краю пропасти. В отличие от того, каким он был в первой главе это герой, стремящийся быть активной, самостоятельной личностью, способной к сопротивлению.

Итак, результатом дуэли с Ленским является то, что в образе Онегина появляются новые черты – способность не подчиняться давлению каких-либо внешних волей (моды, светским правилам, брегету...), стремление оказать собственное влияние на события окружающей его реальности. Но органично, естественно "вписаться" в ритм естественного хода жизни, окружающей его природы, он не может. Поэтому, рассчитывая опоздать, он успевает, надеясь победить рок, терпит поражение.

Еще одна попытка Евгения вернуть утраченное представлена в восьмой главе. После возвращения из путешествия, встретив Татьяну в Петербурге, влюбившись, он еще раз бросает вызов судьбе, пытается найти выход из того тупика, в который сам себя загнал.

Теперь он уже иначе, чем в первой главе воспринимает мир, иначе относится к почти тем же ситуациям. Например, в XXI строфе восьмой главы дано почти точное подобие его пробуждения в первой главе:

Проснулся он; ему приносят
Письмо: князь N покорно просит
Его на вечер. "Боже! К ней!..
О буду, буду" и скорей
Марает он ответ учтивый.

Теперь Онегину не "все равно", приглашение отвечает его желаниям. Его спешка на вечер к Татьяне ("Он полетел, он у крыльца") – это уже не та бесцельная погоня, в ритме которой герой первой главы прожигает жизнь. Теперь у него есть цель, проявилась собственная воля. Онегин восьмой главы уже никому не подчиняется:

XXXI

<.....>

Все хором шлют его к врачам,
Те хором шлют его к *водам*.

XXXII

А он не едет.

Представляя желания общества и Онегина в соседних строфах, автор тем самым оттеняет самостоятельность, независимость своего героя.

Но теперь, выйдя из-под давления общественного мнения, недремлющего брегета и других внешних сил, Евгений оказался практически в полном одиночестве. Его неудачи во всех главных жизненных ситуациях обусловлены не столько социальным положением (тем, что "труд упорный ему был тошен"), сколько тем, что каждый раз он оказывался в положении человека опоздавшего, упустившего благоприятный момент для решения той или иной проблемы и терпящего поражение в попытке вернуть утраченное мгновение.

Таким образом, как "лишний" человек тип Евгения Онегина скорее должен рассматриваться в философском, чем в социальном аспекте, и степень трагичности характера героя Пушкина как "лишнего" человека ничуть не ниже, чем уровень трагизма героев Лермонтова, Гончарова и других русских писателей.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Об этом см. подробнее: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий / Пособие для учителя. –Л.: Просвещение, 1980.
2. Термин. Ю.Н. Тынянова.
3. О роли мазурки в ходе бала первой половины XIX века см., например, вышеназванную работу Ю.М. Лотмана.
4. На необычность дуэли Онегина и Ленского указывали многие пушкинисты. Ю.М. Лотман, например, обращает внимание на несколько моментов, свидетельствующих о нарушении героями дуэльного кодекса (см. указанный комментарий).